

Найча по-канадски

Не раз доводилось слышать, что на Сахалине предел естественного воспроизводства лососей уже достигнут и поэтому надо строить мощные рыболовные заводы. Попробую доказать, что это далеко не так.

Сейчас много говорят об отмене ОДУ на лосося и возврате к оперативному регулированию. Как проводится это регулирование? У каждой реки имеется паспорт, в котором прописана площадь нерестилищ и множество других сведений. В период нерестового хода производителей лососей ихтиологи постоянно следят за рекой, как говорят, проводят мониторинг. Основные методы мониторинга – пеший обход нерестилищ, наблюдения за изменением соотношения полов в уловах, контроль температуры и содержания кислорода в воде.

Зная нерестовую площадь, стараются пропускать ровно столько производителей лосося, сколько нужно для оптимального заполнения. В случае угрозы значительного переполнения и заморозов, даются рекомендации перекрыть доступ рыбы в реку и облавливать скопления рыбы в устье. Если пропустить значительно больше нормы, могут включиться плотно-зависимые факторы. Существует так называемая кривая Риккера, которая показывает, что при дальнейшем переполнении нерестилищ возврат потомства будет снижаться.

У нас на Сахалине нередко случаются массовые подходы горбуши. Появляется необходимость регулировать пропуск производителей на нерестилища. Нормой заполнения в России считается 2 экземпляра производителей на 1 квадратный метр нерестовой площади. Совсем недавно я с удивлением узнал, что в Америке и Канаде приняты совсем другие нормы. А точнее, за океаном для той же горбуши рекомендуют норму в 1,6 раз больше, то есть 3,2 экземпляра на 1 кв. м.

А как были получены эти цифры? Примерно в одно и то же время, независимо друг от друга, ученые на противоположных берегах Тихого океана измеряли параметры нерестовых бугров горбуши. И получили примерно одинаковые средние размеры – для разных популяций и условий от 0,6 до 1,0 квадратных метров площадь одного нерестового бугра. Вот только американцы рекомендовали взять за норму для нереста одной пары 0,6 кв. м, а наши ученые, среди которых был Феликс Николаевич Рухлов, – 1 кв. м.

То есть, наши 160% заполнения – это ровно 100% по-канадски. Так заполнилась в этом году река Найча на полуострове Крильон. Вообще, мы в Анивском районе стараемся не увлекаться перекрытием рек, заполнять нерестилища по максимуму, «на пределе». И результаты получаются хорошие – из года в год показатели промысла растут.

Таким образом, можно увеличивать плотность нереста без угрозы переполнения. При этом надо учитывать, что пропущенная в верхнее течение рыба будет погибать от разных естественных причин, потребляться медведями и, конечно, браконьерами. Чтобы компенсировать эти потери, необходимо пропускать еще на 20-30 процентов больше производителей. Не надо бы так бояться захода «лишних» производителей, если бы не угроза заморных явлений.

Дело в том, что рыба в воде дышит, потребляя растворенный в ней кислород. Чем больше рыбы, тем больше потребляется кислорода. При его недостатке рыба задыхается, начинается массовая донерестовая гибель. Иногда гибель принимает характер цепной реакции, вода надолго становится отравленной, и положение может исправить только мощный паводок. Сахалинские реки подвержены заморам оттого, что в отличие от других лососевых регионов, у нас лето бывает довольно засушливым, а муссонные дожди, как правило, начинаются осенью. Вероятно, на Аляске и в Канаде ситуация с заморами гораздо благоприятнее, поэтому там и приняли такие завышенные нормы заполнения. У нас часто так боятся заморозов, что оставляют реки полупустыми.

А теперь еще об одном нашем отличии от американцев. Там широко применяются различные методы восстановления нерестовых рек. Добавляют нерестилища, улучшают условия воспроизводства, контролируют береговую эрозию, удаляют препятствия для миграции рыб. Есть даже методы, позволяющие понизить температуру воды и увеличить содержание кислорода в воде. А вот мы сильно отстали в этом направлении. Единственная инструкция, регламентирующая рыбоводно-мелиоративные мероприятия на лососевых реках, датируется 1968 годом. Она предписывает очищать водоемы от древесных завалов, оставшихся от молевого сплава. Ничего другого для наших лососевых рек пока не придумали.

Так вот, суть моего предложения заключается в том, что есть альтернативы дорогостоящему искусственному воспроизводству. Можно получать дополнительный возврат лососей, плотнее заполняя нерестилища. Сами нерестилища можно увеличить и улучшить, а от угрозы заморов можно избавиться, применяя методы восстановления. Все это вместе с мерами жесткой охраны рек от браконьерства способно дать хорошие результаты без строительства рыбоводных заводов, которые сами по себе несут экологические и генетические риски для природных популяций лососевых.

А начинать следует с тщательной паспортизации наших лососевых рек, одновременно адаптируя в российскую практику новые для нас методы, делая их «легитимными». Паспорт реки должен включать четкие рекомендации о том, что нужно делать для того, чтобы каждая река работала как Найча, по-канадски.

2007

Опубликовано в газете «Советский Сахалин», 16.11.2007